

ЗАМѢТКИ

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. Н. ВАКУЛЬСКАГО:

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О КОННО-АРТИЛЛЕРІЙСКОЙ БРИГАДѢ КАВКАЗСКАГО КАЗАЧЬЯГО ЛИНЕЙНАГО ВОЙСКА.

Въ «Артиллерійскомъ Журналѣ» за 1859 г., № 2, помѣщена статья г. Вакульскаго: «Нѣсколько словъ о Конно-артиллерійской бригадѣ Кавказскаго казачьяго линейнаго войска».

Статья эта вызвана, судя по ея началу, мнѣніемъ г. штабсъ-капитана М., разбиравшаго статью г. Воронцова-Вельяминова о конной артиллеріи и высказавшаго въ своемъ разборѣ предложеніе уничтожить въ Россіи этотъ родъ войска, за его бесполезностью. «Безжалостный приговоръ г. штабсъ-капитана М.» (сохраняемъ выраженіе г. Вакульскаго) побудилъ, повидному, автора разбираемой нами статьи сдѣлать нѣсколько замѣчаній въ пользу конной артиллеріи.

Обсужденіе спеціальнаго вопроса не подлежитъ нашему разбору. Не будучи специалистомъ, мы бы никогда не рѣшились выражать передъ судомъ публики наше мнѣніе насчетъ статьи г. Вакульскаго, еслибъ авторъ остался въ предѣлахъ своей спеціальности и не перешелъ бы самымъ неожиданнымъ образомъ къ обсужденію такихъ вопросовъ, которые не имѣютъ рѣшительно ничего общаго съ тактическимъ назначеніемъ конной артиллеріи. И дѣйствительно, могъ ли читатель, вѣроятно сочувствовавшій тѣмъ

благороднымъ побужденіямъ, которыя заставили г. Вакульскаго взяться за перо, ожидать, что авторъ, выступивъ на литературную арену защитникомъ конной артиллеріи, близкой ему потому, что онъ самъ принадлежалъ къ этому роду оружія, перейдетъ, не только не исчерпавъ своего предмета, но даже и не разъяснивъ его нисколько, къ хозяйству и быту казаковъ и окончитъ свою рѣчь проэктомъ новаго устройства казачьяго артельного обоза?

Такому рѣзкому переходу мы находимъ только одно объясненіе: г. Вакульскій былъ убѣжденъ, что для назиданія читателей «Артиллерійскаго Журнала» ему не мѣшаетъ съ ними подѣлиться своими свѣдѣніями. Но о чемъ писать? Статьи штабсъ-капитана М., возбудившей его негодованіе, онъ не разбираетъ, потому что не читалъ статьи г. Воронцова-Вельяминова. Г. Вакульскій сообщаетъ читателямъ, что трудъ г. Воронцова-Вельяминова ему неизвѣстенъ и что вообще онъ за наукою слѣдить не можетъ, потому что живетъ въ странѣ, куда журналы и газеты доходятъ только черезъ годъ по выходѣ ихъ въ Петербургъ. Мы, съ своей стороны, замѣтимъ, что страна эта, кромѣ того, еще имѣетъ чрезвычайно любопытную особенность: она удалена отъ Петербурга только тогда, когда автору нужно прочесть статью г-на Воронцова-Вельяминова, и приближается къ нашей столицѣ, когда ему надо печатать свою собственную статью, которая написана 4 февраля 1859 года и помѣщена въ книжкѣ «Артиллерійскаго Журнала» за мартъ и апрѣль. Намъ, пожалуй, возразятъ, что г. Вакульскій во время печатанія своей статьи могъ быть и въ Петербургѣ. Конечно; но казалось бы, что печатаніе своей статьи и прочтеніе такого труда, который, при составленіи этой статьи, служить необходимымъ пособіемъ, должно было быть сдѣлано одновременно и что если г. Н. Вакульскому нельзя было разбирать мнѣнія штабсъ-капитана М., за непочтеніемъ труда г. Воронцова-Вельяминова, то не зачѣмъ было и упоминать объ этомъ мнѣніи, не зачѣмъ было напрасно придавать началу своей статьи учено-спеціальнѣйшій характеръ, котораго она выдержать до конца не можетъ, за недостаткомъ матеріала. Г. Вакульскій, вѣроятно, не раздѣляетъ высказаннаго нами мнѣнія, съ которымъ поступилъ совершенно неогласно. Не зная, чѣмъ кончить начатую рѣчь, онъ незадумался пополнить свою статью о конной артиллеріи, затронувъ вопросъ о бытѣ и хозяйствѣ казаковъ, что ему, вѣроятно, показалось легче, чѣмъ отвѣчать г. штабсъ-капитану М. обстоятельно, а не одними

намеками и недомолвками. Какъ бы то ни было, но цѣль была достигнута, и «Артиллерійскій Журналъ» украсился произведеніемъ г. Н. Вакульскаго.

Намъ, въ простотѣ нашего сердца, кажется, что, начиная на 17 страницахъ говорить обо всемъ, авторъ не скажетъ ровно ничего, а говоря о вещахъ, мало ему извѣстныхъ, онъ впадетъ въ ошибки и въ такіе выводы, которые вовлекутъ читателей въ невѣрное воззрѣніе на предметъ, избранный имъ для своей статьи. Но и въ этомъ случаѣ наше мнѣніе, повидимому, не раздѣляется г. Вакульскимъ, въ чемъ его статья служить непреложнымъ доказательствомъ.

Вопросъ о хозяйствѣ и бытѣ казаковъ на Кавказѣ намъ близко извѣстенъ, и потому мы займемся нѣкоторымъ дополненіемъ и исправленіемъ тѣхъ свѣдѣній, которыя г. Вакульскій сообщаетъ о Кавказскомъ казачьемъ линейномъ войскѣ.

Авторъ говоритъ: «Казачья артиллерія, подлежащая тѣмъ же условіямъ, которымъ подлежитъ вся регулярная артиллерія Россійской имперіи, должна находиться на одинаковой съ нею степени образованія; казаку, какъ и солдату, необходимо знать грамоту; между тѣмъ, къ несчастію, Копно-артиллерійская бригада Кавказскаго линейнаго казачьяго войска лищена всѣхъ средствъ для достиженія этой необходимой степени образованія.»

И далѣе, для объясненія невозможности, въ которой находится казакъ пріобрѣсти какія либо познанія, авторъ говоритъ о казачьихъ артиллерійскихъ офицерахъ:

«Офицеры, служащіе въ этой бригадѣ, за малыми исключеніями, всѣ изъ казачьяго сословія, люди, получившіе самое ограниченное образованіе; только нѣкоторые изъ нихъ, имѣвшіе случай быть командированными для обученія строя въ образцовую батарею, пріобрѣли кое-какія свѣдѣнія по артиллерійской наукѣ, занимаясь по собственному влеченію, усердиѣ другихъ, въ лабораторіи и во время лагеря подъ Краснымъ Селомъ. Свѣдѣнія эти самыя поверхностныя, практическія, и число такихъ офицеровъ въ бригадѣ самое ограниченное. Зная почти всѣхъ, я могъ бы назвать только двухъ, много трехъ. Есть такіе офицеры, которые съ трудомъ пишутъ и крайне затрудняются составить безъ писаря рапортъ, чтобы донести въ штабъ батареи о нуждахъ взвода.»

Печально же положеніе кавказской казачьей артиллеріи, въ которой взводные командиры не могутъ обойтись безъ помощи писаря, для донесенія о нуждахъ своего взвода! Но такъ ли это

на дѣлѣ, какъ на словахъ г. Вакульскаго? Сношенія взводнаго командира съ батарейнымъ начальствомъ весьма просты и до такой степени однообразны, что для рапортовъ о нуждахъ взвода можно было бы заготовить печатныя бланки, какъ таковыя заготавливаются для срочныхъ вѣдомостей. Зная лично почти всѣхъ офицеровъ казачьей конной артиллеріи, въ которую командируются изъ войска преимущественно офицеры, получившіе образованіе въ войсковыхъ училищахъ, по выбору батарейныхъ командировъ и съ согласія наказнаго атамана, мы положительно утверждаемъ, что въ казачьихъ кавказскихъ батареяхъ не найдется ни одного офицера, который бы затруднился написать рапортъ о нуждахъ своего взвода.

Что касается до спеціального образованія казачьихъ артиллерійскихъ офицеровъ, то оно еще до сихъ поръ безспорно недостаточно. Войсковые офицеры, командированные въ артиллерію, по своимъ теоретическимъ познаніямъ, не удовлетворяютъ своему назначенію; но за то немного найдется такихъ, которые бы не приобрѣли долготѣней артиллерійской службой тѣхъ чисто практическихъ познаній, которыя имъ необходимы. Казакъ отличается сметливостію, особенно развитой въ линейномъ войскѣ: ему легко и просто дается то, что подь-часъ стоитъ труда и усидчиваго изученія другому. Причина этой сметливости обусловливается самымъ бытомъ линейнаго казака, который долженъ быть вѣчно насторожѣ, быть вѣчно внимательнымъ и неусыпно бдительнымъ.

Все это относится до тѣхъ офицеровъ, на которыхъ преимущественно падалъ упрекъ автора разбираемой нами статьи, — упрекъ въ безграмотности. Въ кавказскія казачьи батареи, кромѣ того, съ недавняго времени прибываютъ офицеры изъ военно-учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ изъ Михайловскаго артиллерійскаго училища, а также офицеры изъ класса донскихъ урядниковъ, учрежденнаго при гвардейской конной артиллеріи. Имъ далеко уступаютъ въ познаніяхъ офицеры, бывшіе въ образцовой батареѣ, о которыхъ съ похвалою отзывался самъ г. Вакульскій. Вотъ офицерскій составъ изъ казачьяго сословія. Наконецъ, въ числѣ офицеровъ казачьихъ батарей есть также офицеры регулярныхъ войскъ.

Эти послѣдніе, однако, рѣдко остаются въ казачьей артиллеріи по нѣскольку лѣтъ сряду, въ противоположность офицерамъ казачьяго сословія, которые, поступая въ артиллерію, въ

ней и продолжаютъ службу. Кавказское линейное казачье войско, полное преданности къ правительственнымъ распоряженіямъ, не перестанетъ желать, чтобы офицеры регулярной артиллеріи до времени пополняли недостатки офицеровъ войсковыхъ, какъ это дѣлается теперь, но съ тѣмъ вмѣстѣ не можетъ не желать избавиться отъ тѣхъ изъ нихъ, которые, прибывая въ войско съ полнымъ убѣжденіемъ въ своемъ превосходствѣ надъ всѣмъ ихъ окружающимъ, служа между казаками безъ всякой любви къ казачьему сословію, домогаются, иногда и не совсѣмъ позволительными происками, только служебныхъ выгодъ и весьма часто, не достигнувъ званія батарейнаго командира такъ скоро, какъ бы они того желали, оставляютъ казачью артиллерію. Едва ли съ такими воззрѣніями на свои обязанности можно принести пользу службѣ, и едва ли не полезнѣе для нея офицеры-казаки, которые, уважая свое положеніе и любя свое сословіе, вникаютъ въ выпавшія имъ на долю обязанности, изучаютъ свое дѣло и соревнуютъ другъ передъ другомъ не въ повышеніяхъ по службѣ, а въ исполненіи долга, налагаемаго на нихъ настоящимъ ихъ званіемъ. Мы уважаемъ въ человѣкѣ образованность и познанія, но тогда только, когда эта образованность и эти познанія служатъ на общественную пользу; пользы же мы не видимъ никакой въ офицерахъ-туристахъ, странствующихъ изъ службы въ службу, въ надеждѣ перемѣной служебнаго положенія добыть чинъ или мѣсто, высокомерно смотрящихъ на казаковъ, къ которымъ пришли служить въ тѣхъ же видахъ, и съ презрительнымъ сожалѣніемъ говорящихъ о томъ, чего не знаютъ. Правду сказать, мы не только не видимъ, какую пользу они могутъ принести службѣ, но не понимаемъ даже, какую они могутъ принести пользу самой наукѣ, самой артиллеріи. Не говоря уже о тѣхъ казачьихъ офицерахъ, которые, по своему специальному образованію, стоятъ никакъ не ниже этихъ господъ, о тѣхъ, которые воспитывались въ корпусахъ или были въ классѣ урядниковъ, но даже войсковые офицеры, знающіе артиллерійскіе приемы только по практикѣ, представляютъ, намъ кажется, своею личностію не меньшіе задатки служебной пользы, чѣмъ такіе офицеры регулярной артиллеріи. Задатки эти мы видимъ въ той крѣпкой связи, которая соединяетъ все казачье сословіе, — связи, основанной на общихъ жертвахъ крови и общихъ многочисленныхъ воспоминаціяхъ, составляющихъ нашу славу и нашу гордость. Въ каждомъ человѣкѣ лю-

бовъ къ своему дѣлу и къ своему сословію есть немаловажное за него ручательство. Кромѣ того, войсковые офицеры, зная, что они изъ войска выйдти не могутъ, стараются быть полезными единственной, доступной имъ службѣ, которою дорезать.

Далѣе г. Вакульскій говоритъ:

«Кромѣ сказаннаго очевиднаго препятствія для образованія нижнихъ чиновъ этой бригады, встрѣчается еще другое, не менѣе вліятельное: это — ненависть казака къ артиллерійской службѣ. Она такъ велика, что онъ готовъ жертвовать большею частію зарабатываемыхъ имъ денегъ по хлѣбопашеству, садоводству, скотоводству и тому подобнымъ залятіямъ, чтобы откупиться отъ артиллерійской службы, нанять за себя другаго, болѣе бѣднаго, а чаще всего нерадиваго, промотавшагося казака, котораго можно сравнить съ утопающимъ, хватающимся за соломенку: только это побуждаетъ его быть наемщикомъ. Чтобы подробнѣе объяснить ненависть казака къ артиллерійской службѣ, нужно сравнить обязанности его относительно этого рода оружія съ обязанностями при службѣ въ полкахъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска. Казакъ, служащій въ полку, находится годъ въ строевомъ, а другой годъ въ льготномъ комплектѣ полка; только въ экстренныхъ случаяхъ, какъ-то: для защиты своей станицы или при вторженіи непріятели въ раіонъ земли полка, вызывается онъ съ льготы на службу, и то не болѣе, какъ на нѣсколько дней, служить всегда въ раіонѣ своего полка, за исключеніемъ временныхъ командировокъ одной или двухъ сотенъ на два или на три мѣсяца въ отряды. Служба казака въ полку, на постахъ, производится въ 10 или 20 верстахъ отъ его станицы; слѣдовательно, вблизи дома, онъ всегда имѣетъ возможность наблюдать за своимъ хозяйствомъ, въ недѣлю разъ или два непремѣнно побываетъ въ своей хатѣ, лично убѣдится въ недостаткахъ, терпимыхъ семействомъ; въ случаѣ крайности можетъ быть пущенъ на льготу и ранѣе срока, по распоряженію командира полка. Казакъ-артиллеристъ выходитъ на службу на два года, затѣмъ выпускается на льготу на два года, и т. д.; онъ всегда служитъ внѣ раіона полка, далеко отъ своей станицы.»

Чтобы дорисовать эту такъ мѣтко и вѣрно набросанную картину казачьяго быта, г. Вакульскій прибавляетъ: «Казачья батарея, по своему устройству, совершенно сходна съ регулярною батареею, казачій же полкъ не имѣетъ и тѣни сродства съ регу-

лярнымъ полкомъ.» И въ выноскѣ: «Характеръ, образъ и условія жизни казака влекутъ за собою ненависть ко всему, что имѣетъ сходство съ требованіями, касающимися регулярныхъ войскъ.»

Вообще мысль автора разбираемой нами статьи можетъ быть выражена въ двухъ слѣдующихъ, приведенныхъ въ простѣйшій видъ, положеніяхъ:

1) Казакъ питаетъ ненависть къ требованіямъ, обуславливающимъ службу въ регулярныхъ войскахъ, и на этомъ основаніи предпочитаетъ службу въ полку службъ въ артиллеріи, и

2) Казакъ—артиллеристъ завидуетъ казаку, служащему въ полку, потому что послѣдній пользуется большими служебными льготами.

Разсмотримъ справедливость обонхъ положеній, въ томъ порядкѣ, въ которомъ мы ихъ выше поставили.

Очень недавно стали требовать отъ казаковъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска знанія построеній по правиламъ устава о кавалерійской службѣ. Требованіе это вовсе не показалось казакамъ обременительнымъ. Конечно, формализмъ тягостенъ, но его вообще на Кавказѣ встрѣтить трудно; порядокъ же, происходящій отъ извѣстныхъ правильныхъ служебныхъ требованій, былъ привѣтствованъ полнымъ сочувствіемъ казаковъ, съ рвеніемъ принявшихъ за добросовѣстное исполненіе своихъ новыхъ служебныхъ обязанностей. Въ настоящее время трудно встрѣтить урядника, который бы не зналъ расчета сотни; объ офицерахъ и говорить нечего. На Кавказѣ многимъ извѣстно, что генераль-адъютантъ Муравьевъ назвалъ одинъ изъ казачьихъ полковъ образцовымъ, даже и въ пѣшемъ строю. Все это не доказываетъ ненависти казака къ требованіямъ, обуславливающихъ службу въ регулярныхъ войскахъ. И, дѣйствительно, отчего казакъ могъ возненавидѣть эту вновь вводившуюся въ войскъ правильность построеній, движеній и расчета регулярной конницы? Давно уже и невозвратно миновалось то время, когда онъ чуждался строя и дорожилъ необузданной свободой Азіата, дѣйствующаго въ бою только по влеченію своихъ собственныхъ страстей.

Что же касается до ненависти казака къ артиллерійской службѣ, то неужели искать этого чувства въ томъ, что казакъ иногда оставляетъ батарею и переходитъ въ полкъ, принужденный къ такому переходу какими либо семейными обстоятельствомъ?

вами? Казакъ, въ теченіе своей службы въ артиллеріи, можетъ овдовѣть и, имѣя притомъ малолѣтнихъ дѣтей, можетъ сдѣлаться за смертью отца главою и единственнымъ покровителемъ своего семейства. Неужели въ такихъ исключительныхъ случаяхъ, просясь изъ батареи въ полкъ, потому что полкъ имѣетъ возможность держать его по мѣрѣ надобности на льготѣ, тогда какъ батарея, кромѣ періодическихъ двухъ лѣтъ, этого сдѣлать не можетъ, — неужели, повторяемъ, казакъ обличаетъ тѣмъ ненависть къ артиллерійской службѣ? Что же послѣ того остается сказать объ офицерахъ регулярной артиллеріи, которые оставляютъ свои батареи для другаго рода оружія, перемѣняя службу не только по семейнымъ обстоятельствамъ, но иногда и по одному разсчету служебныхъ преимуществъ? Такіе офицеры встрѣчаются, и въ этомъ, вѣроятно, г. Н. Вакульскій съ нами спорить не будетъ. Но и на нихъ даже мы не рѣшимся положить упрека въ ненависти къ артиллерійской службѣ, хотя, оставляя артиллерию, они, по нашимъ убѣжденіямъ, дѣйствуютъ гораздо предосудительнѣе, чѣмъ казакъ, возвращающійся изъ батареи въ свой полкъ. Казака въ батареѣ замѣнить нетрудно (*); онъ не былъ специально приготовленъ къ той службѣ, которую несъ; отъ него нельзя требовать того строгаго воззрѣнія на свои обязанности, котораго требовать можно и должно отъ человѣка образованнаго; наконецъ, на немъ не лежатъ въ отношеніи къ правительству извѣстныя нравственныя обязательства, налагаемыя воспитаніемъ, полученнымъ въ казенномъ учебномъ заведеніи.

Чтобъ придать болѣе живости своему мастерски набросанному изображенію кавказской казачьей артиллеріи, г. Вакульскій не задумывается говорить о злоупотребленіяхъ и сообщаетъ намъ, что, при выпискѣ казака изъ батареи въ полкъ, деньги играютъ главную роль (**). Конечно, указывать на зло полезно для общественной нравственности; но и въ такихъ указаніяхъ бываютъ злоупотребленія, которыя едва ли могутъ быть терпимы болѣе другихъ злоупотребленій. Безъ сомнѣнія, нѣкоторые указываютъ на несуществующее зло по неосмотрительности, только для *краснаго слова*. Но вѣдь могутъ встрѣтиться и такіе случаи,

(*) Фейерверкеръ, урядникъ, особенно первыхъ классовъ, люди, знающіе составныя части пороха и пр., сами не пожелаютъ выйти изъ артиллеріи, гдѣ они ужъ заслужили вниманіе начальства, тогда какъ въ полку имъ нужно вновь заслуживать это вниманіе.

(**) Смѣсь, стр. 68 «Артиллерійскаго Журнала» за мартъ и апрѣль.

когда подобныя указанія основаны на слѣдующемъ, довольно правильно построенномъ силлогизмѣ: если я говорю о злоупотребленіяхъ, то, слѣдовательно, желаю искорененія ихъ; желая искорененія ихъ, я буду пользоваться въ глазахъ общества доброй славой честнаго человѣка; подъ покровомъ этой доброй славы, у меня руки будутъ развязаны, и никакое подозрѣніе на меня не падеть. Ergo и пр.

Рѣчь г. Вакульскаго о злоупотребленіяхъ въ казачьемъ войскѣ мы, конечно, относимъ къ неосмотрительности и къ желанію сказать красное словцо. Но и такое желаніе трудно считать совершенно законнымъ. Впрочемъ, г. авторъ не подумалъ, что серьезныя обвиненія влекутъ за собой и серьезныя доказательства ихъ. Какимъ образомъ казакъ въ состояніи подкупить общество цѣлой станицы, приговоръ котораго о выпискѣ его изъ батареи и замѣщеніи его другимъ изъ среды того же общества идетъ по командѣ на утвержденіе начальства? Если въ такомъ образѣ общественной дѣятельности, въ такихъ здоровыхъ началахъ народнаго самоуправленія искать корень какого либо зла, то гдѣ же и въ чемъ искать отъ зла спасенія? Не только мы не слышали о злоупотребленіяхъ по приговорамъ станичныхъ обществъ, но долготѣнейшей нашей службой въ войскѣ убѣдились, что казакъ по какимъ либо неуважительнымъ причинамъ и проситься изъ артиллеріи въ полкъ не станетъ, твердо убѣжденный, что просьба его ни къ чему не поведетъ. Уважительныя же причины опредѣлены постановленіями и заключаются въ смерти члена семейства, на попеченіи котораго оставалось хозяйство, въ смерти жены, послѣ которой некому управлять въ хозяйствѣ, въ пожарѣ. Говоря уже о тѣхъ способахъ, которые, по мнѣнію г. Вакульскаго, употребляетъ казакъ, чтобы избавиться отъ артиллерійской службы, скажемъ кстати о наймахъ, о которыхъ упоминаетъ авторъ и о которыхъ говорится въ одной изъ вышеприведенныхъ нами выписокъ изъ его статьи.

Случай найма однимъ казакомъ другаго, котораго онъ представляетъ за себя на службу въ батарею, весьма рѣдки. Мнѣніе же, что нанимаются при этомъ бѣдные, нерадивые, промотавшіеся казаки, вполне несправедливо, и выборъ дурнаго казака въ случаѣ найма уже потому невозможенъ, что выборъ этотъ и замѣна хорошаго подчиненнаго дурнымъ подлежатъ утвержденію батарейнаго командира, которому нѣтъ ни надобности, ни расчета соглашаться на такую невыгодную для него и дл

службы сдѣлку. Наймы, о которыхъ мы говоримъ, когда вѣваютъ, то дѣлаются большею частію по предложенію самихъ батарейныхъ командировъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы удержать въ артиллеріи хорошаго, опытнаго и обратившаго на себя вниманіе начальства казака. Слѣдовательно, нанимаются въ артиллерію никакъ не плохіе и промотавшіеся, а, напротивъ, лучшіе люди. Еще чаще случается, что такихъ людей батарейные командиры удерживаютъ не посредствомъ найма ихъ другими, а предложеніемъ имъ извѣстныхъ служебныхъ выгодъ и льготъ, съ условіемъ остаться на службѣ въ батареѣ.

Было, дѣйствительно, время, когда артиллеристъ завидовалъ своему сотоварищу, служащему въ полку, не потому, что служба этого послѣдняго легче и представляетъ какія либо выгоды, а потому, что, служа въ полку, казакъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ свободнѣе, самостоятельнѣе и чаще имѣлъ случай выказать свойственное каждому линейному казаку удалство; но теперь, когда наши боевые успѣхи расширили военныя дѣйствія на Кавказѣ и уравнивали труды того и другаго рода оружія, казакъ убѣдился, что почетная служба въ артиллеріи вполнѣ удовлетворяетъ его самолюбію, а въ домашнемъ быту не только не отнимаетъ преимуществъ казака, служащаго въ полку, но, напротивъ, предоставляетъ большія противъ этого послѣдняго выгоды. И, дѣйствительно, артиллеристъ, по истеченіи двухъ лѣтъ службы въ батареѣ, неизмѣнно пользуется двухлѣтней льготой; казакъ же, находящійся въ полку, прослуживъ годъ, долженъ имѣть достаточно уважительныя причины, въ глазахъ станичнаго общества, знающаго вполнѣ нужды каждаго, чтобы быть отпущеннымъ на льготу; если онъ ихъ не имѣетъ, то остается на службѣ второй годъ, третій, четвертый и такъ далѣе, что особенно часто случается въ отношеніи тѣхъ казаковъ, въ семействѣ которыхъ есть дома отецъ, братъ или сыновья, не могушіе, по какимъ либо причинамъ, быть въ строевомъ составѣ полка. Найдется много казаковъ, взятыхъ отъ семействъ, которые въ теченіе всей своей службы не были на льготѣ, да и быть не могутъ, согласно съ положеніемъ о войскѣ, на основаніи котораго одинъ членъ семейства остается дома для присмотра за домашнимъ хозяйствомъ, а прочіе обязаны быть на полевой службѣ. Казакъ же артиллеристъ, какъ выше сказано, не подчиняется подобнымъ условіямъ для льготы и неизмѣнно пользуется ею по минованіи двухлѣтняго срока службы. Наконецъ, са-

мая льгота артиллериста имѣеть огромныя преимущества передъ льготою полковаго казака. Полковой казакъ, состоя на льготѣ, обязанъ отправлять всѣ внутреннія повинности, какъ-то: подводную, караулы, по станицамъ, общественное сѣнокошение и станичныя общественныя работы; въ тревожное время онъ вызывается на секреты для усиленія кордона и нерѣдко, за выступленіемъ въ походъ строевой части полка, служитъ на кордонѣ на своемъ собственномъ конѣ, не получая на него никакого продовольствія; казакъ-артиллеристъ, находясь на льготѣ, подчиняется мѣстному начальству только какъ гражданинъ, не несетъ рѣшительно никакихъ общественныхъ повинностей и, пробывъ въ батарее одинъ мѣсяцъ въ году на практическихъ ученияхъ, возвращается безъ всякаго задержанія въ свое жилище. Вотъ эту послѣднюю льготу вполне можно назвать льготою, имѣющею неоспоримое преимущество предъ льготой полковаго казака. Положеніе о порядкѣ такого рода утверждено въ 1845 году.

Г. Н. Вакульскій говоритъ, что полковой казакъ, находясь въ строю, служитъ въ 10—20 верстахъ отъ своей станицы. Остановившись на этомъ, мы могли бы подумать, что слово *своей* г. Вакульскій поставилъ по ошибкѣ; но далѣе онъ прибавляетъ: «слѣдовательно, вблизи дома», и рассказываетъ намъ, что полковой казакъ разъ или два въ недѣлю побываетъ у жены и всегда имѣеть возможность наблюдать за своимъ хозяйствомъ. Очевидно, что г. Вакульскій не по ошибкѣ, а съ намѣреніемъ сказалъ: «Въ 10—20 верстахъ отъ *своей* станицы». Мы прибавимъ, что сотни строевыхъ полковъ, дѣйствительно, располагаются на этомъ разстояніи отъ станицъ, но только не *своихъ*. Съ этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, а слѣдовательно и со всѣмъ, что изъ этого обстоятельства авторомъ выведено, мы рѣшительно согласиться не можемъ.

Казакъ Кавказскаго линейнаго войска, обязанный содержать кордонную линію, не были до 1845 года въ комплектномъ составѣ, а считались въ полку всѣ, сколько ихъ въ станицахъ находилось и могло нести строевую службу, безъ раздѣленія на строевыхъ и на льготныхъ; нѣкоторые полки, изъ которыхъ впоследствии сформированы цѣлыя бригады, имѣли до двухъ и даже около трехъ тысячъ рядовыхъ казаковъ, и ни одинъ полкъ не имѣлъ менѣе 1,000. Они были раздѣлены на сотни. Сотни эти выступали на полевою службу не въ постоянномъ своемъ

составъ по станицамъ, а формировались изъ всѣхъ сотенъ, по назначенію полковаго командира; оставшіеся затѣмъ на мѣстѣ казаки откомандировывались для содержанія кордона въ ближайшихъ пунктахъ отъ своихъ станицъ. Но, съ утверженія въ 1845 году положенія, полки получили опредѣленный комплектный составъ, значительно уменьшенный, и сотни составились изъ одинаковаго числа людей (*). При этомъ оказалось удобнѣе правильною очередью между сотнями замѣнить прежній порядокъ отправленія полевой и кордонной службы,—порядокъ, который теперь допускается съ разрѣшенія начальства только въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Новый правильный составъ полковъ и сотенъ, точно такъ же, какъ извѣстная очередь въ откомандированіи ихъ для исполненія служебныхъ боевыхъ обязанностей имѣютъ свои неоспоримыя выгоды. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, при новомъ положеніи дѣла, оказалось, что нѣкоторые полки (напримѣръ, Моздокскій, Горскій и Владикавказскій), растянутые на 100 верстъ и болѣе, должны выслать на полевую службу по 4 сотни, остальными же занять кордонъ. Слѣдствіемъ этого почти всегда бываетъ, что казаку, живущему въ одномъ краѣ полка, приходится нести кордонную службу на другомъ его краѣ. На правомъ крылѣ Кавказской линіи есть бригады, которыхъ станичное расположеніе находится въ 150 верстахъ и болѣе отъ передовой линіи, гдѣ онѣ несутъ кордонную службу. Какимъ же образомъ, въ тревожное время, кордонному начальнику представится возможность отпустить казака домой, хотя бы на самый короткій срокъ? Онъ постоянно ему нуженъ: днемъ—для занятія бекета и прочей постовой службы, а ночью—для секрета и развѣзда. Казакъ, отдаленный отъ дома уже не на 20, какъ говоритъ г. Вакульскій, а на 100 или 150 верстъ, не имѣетъ возможности побывать дома не только разъ въ недѣлю, какъ полагаетъ авторъ разбираемой нами статьи, но даже разъ въ мѣсяцъ или въ нѣсколько мѣсяцевъ: такимъ образомъ, онъ не навѣдается въ свою хату, не убѣдится лично въ нуждахъ своей семьи, не погрѣется у себя дома и не похлебаетъ шей (**)

(*) Теперь полки въ 6-сотенн. составѣ, а тогда сотенъ было 7, 8 и даже больше; теперь въ сотнѣ 143 челов., а тогда было 200 и болѣе, смотря по населенію станицъ, изъ которыхъ формировалась сотня.

(**) Если бы казакъ служилъ около своей станицы на посту, то онъ былъ бы дома не два раза въ недѣлю, а вѣскольکو разъ въ день, ѣлъ бы дома щи, потому что казаку въ день два, три раза приходится скакать то съ бумагами, то въ конвоѣ до сосѣдняго поста или станицы. Ему и хлѣба не нужно бы имѣть на посту: завтракъ, обѣдъ и ужинъ былъ бы дома.

съ бабою, а, напротивъ, баба побываетъ у него, погрѣется въ постовой казармѣ и поѣсть казацкой каши, когда привезетъ разные жизненные припасы жена для мужа, мать для сына, или сестра для брата, при чемъ расскажетъ ему о домашнихъ нуждахъ. Казакъ же самъ попадетъ домой тогда, когда товарищи его возвратятся изъ похода; если же въ полку требуется перемѣна или особенное экстренное пополненіе, то весьма рѣдко приходится ему заѣхать домой: большею частію прямо съ кордона отправляется онъ въ походъ, славъ свой постъ другому льготному казаку. Вотъ какъ надлежало бы г. Вакульскому объяснить выгоды полковаго казака сравнительно съ артиллеристомъ, и это было бы совершенно справедливо.

Отчего же такое разногласіе, можетъ спросить нашъ читатель, откуда же г. Вакульскій взялъ все то, что онъ говоритъ о службѣ въ полкахъ Кавказскаго казачьяго линейнаго войска?

Постараемся отвѣчать на этотъ вопросъ.

По всей вѣроятности, г. Вакульскій служилъ или имѣлъ случай быть въ Щедринской станицѣ, гдѣ расположенъ штабъ казачьей батарее, и, судя по Гребенскому полку, тамъ находящемуся, вывелъ заключеніе, что полковой казакъ занимаетъ кордонъ въ 10—20 верстахъ отъ своей станицы. Гребенскій полкъ, поселенный на самой опасной мѣстности Терскаго кордона, поэтому случаю почти исключительно занятъ кордонною службою. Случается, что, когда навремя этотъ полкъ требуется въ полевые отряды, кордонъ занимаютъ льготные казаки; но въ нормальномъ своемъ кордонномъ расположеніи, въ которомъ онъ находится чаще всѣхъ прочихъ полковъ, не встрѣчается надобности отдалять казака отъ его станицы на такое большое разстояніе, какъ было выше объяснено. Между тѣмъ, Гребенскій полкъ хотя и находится по своему сжатому кордонному расположенію въ исключительныхъ благоприятныхъ условіяхъ близости къ своимъ станицамъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, занимаетъ позицію, болѣе всѣхъ доступную для вторженія горскихъ хищниковъ, такъ что служба въ немъ не представляетъ казаку счастливой возможности побывать два раза въ недѣлю дома. Служба казака какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ полкахъ, и въ особенности на передовыхъ линіяхъ, заключается не въ одномъ только конвоированіи почты, какъ говоритъ г. Вакульскій, а главное въ наблюденіи, чтобы непріятель не пробрался на кордонъ и не на-

несъ бы вреда, напримѣръ: уведомъ вола или взятіемъ въ плѣнъ жены изъ сада или поля, что на Кавказѣ случается нерѣдко.

Мы полагаемъ, что изъ сказаннаго нами можно вывести безошибочное заключеніе, что г. Вакульскій заблуждается въ своихъ воззрѣніяхъ на службу кавказскаго линейнаго казака вслѣдствіе видѣннаго имъ въ Гребенскомъ полку; самый же взглядъ его на обязанности казаковъ въ этомъ полку есть слѣдствіе поверхностнаго и невѣрнаго пониманія кордонной службы, которую нести на линіи, сосѣдней съ враждебными племенами, не такъ легко, какъ думаетъ г. авторъ. Но если бы служба Гребенцовъ и была даже дѣйствительно легкой и давала бы имъ дѣйствительно возможность «въ недѣлю разъ или два непременно побывать въ своей хатѣ», то все же не было повода на этомъ основаніи говорить о близкой къ своимъ станицамъ кордонной службѣ въ 19 остальныхъ полкахъ Кавказскаго линейнаго войска, потому что Гребенскій полкъ, какъ выше сказано, находится относительно кордонной службы, которую онъ несетъ, въ исключительномъ положеніи. Этого послѣдняго обстоятельства, вѣроятно, г. Вакульскій не зналъ. Но зачѣмъ же говорить о томъ, чего не знаешь? Мы, съ своей стороны, пожалуй, готовы извинить невѣдѣнію г. автора; но вѣдь могутъ найдтись и судьи, болѣе насъ строгіе, которые скажутъ, что пользоваться печатнымъ словомъ для того, чтобы говорить о вещахъ, смутно извѣстныхъ автору, есть неуваженіе къ читающей публикѣ, съ одной стороны, а съ другой—крайнее неуваженіе и даже дерзость въ отношеніи къ людямъ, до быта которыхъ касается статья.

Этого неуваженія, этой дерзости, прибавить тотъ же строгій судья, не закроешь никакимъ добродушнымъ соболѣзнованіемъ, никакими проэктами улучшеній. Да и кому нужны непрошенные покровители? По крайней мѣрѣ, мы думаемъ, что казачье линейное войско охотно откажется отъ ихъ услуги.

Кстати скажемъ о младенческомъ невѣдѣніи г. Вакульскаго въ кавказской казачьей службѣ, о которой онъ почелъ долгомъ говорить. Г. Вакульскій сообщаетъ читателямъ слѣдующее разсужденіе казака о службѣ въ полку: «Отконвоировалъ поштву (почту), заѣхалъ въ станицу да и погрѣлся дома и шей похлѣбалъ съ бабою, глянь-ка—и плетень сплелъ, хворостъ—то на посту нарубилъ, да все еще во-время на постъ поспѣлъ, да и на боковую, пока другая поштва али пробѣжающій не пробѣжитъ».

Выше сказано, въ чемъ заключаются обязанности казака на

посту; но не исчислено время, данное ему на отдыхъ. Изъ 25 казаковъ (*), состоящихъ на посту, 12 человекъ выходятъ въ ночь на секреты (4 секрета по 3 человека), остальные разсылаются для разъѣздовъ и содержатъ караулъ, составляя притомъ резервъ на случай тревоги; такимъ образомъ, къ разсвѣту нѣтъ казака, который бы въ теченіе ночи не былъ занятъ службою. Настаетъ утро, и казаки, оставшіеся на посту, ѣдутъ обозрѣвать берега рѣки, для узнанія, нѣтъ ли слѣдовъ хищниковъ, и, не возвращаясь на постъ, остаются на бекетахъ; возвратившіеся съ секретовъ несутъ дневную службу, конвоируя почты, эстафеты, проѣзжающихъ, и развозятъ по кордону разные распоряженія. Не всегда даже случится казаку поѣсть на посту каши, не говоря уже о томъ, что на долю большей половинны приходится пробавляться ею холодною. Трудно объяснить, а нужно видѣть, какую службу ежедневно несетъ казакъ на кордонѣ. Жаль, что г. Вакульскій, задумавшій писать статью о службѣ въ линейномъ казачьемъ войскѣ, не потрудился пойдти хоть одинъ разъ во время лѣта осмотрѣть секретъ на берегу Терека.

Онъ бы увидѣлъ густыя, какъ дымъ, тучи комаровъ, отъ которыхъ казаки отмахиваются только съ чрезвычайной осторожностію, потому что малѣйшій шорохъ весьма часто вызываетъ бдительнаго и внимательнаго непріятеля. Ударъ кинжаломъ сзади можетъ быть возмездіемъ за одно необдуманное и нетерпѣливое движеніе. Если бы г. Вакульскій полюбоществовалъ посѣтить секретъ зимой, то онъ увидѣлъ бы казаковъ, которые, сидя цѣлую ночь надъ рѣкой на морозѣ и ожидая непріятеля, не смѣютъ развести огня, чтобы обогрѣться. Казаки-артиллеристы знаютъ все это вѣрнѣе г. Вакульскаго, потому что, служа на кордонѣ, испытывали подобныя удовольствія, и если иногда выражаютъ свое мнѣніе въ пользу службы въ полку, какъ, въ свою очередь, полковые казаки нерѣдко отзываются о выгодахъ службы въ артиллеріи, то это дѣлается лишь по пословицѣ: «тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ».

Г. Вакульскій, говоря о ненависти казака въ артиллерійской службѣ, о преимуществахъ строеваго казака въ полку передъ казачьимъ-артиллеристомъ, о злоупотребленіяхъ при выпискѣ казаковъ изъ батареи въ полкъ и о наймѣ нерадивыхъ людей для службы въ артиллерію, ведетъ свою рѣчь къ тому, чтобы дока-

(*) Большею частію посты состоятъ изъ этого числа людей.

затѣ, какъ трудно сформировать хорошо обученную казачью батарею. Невѣрно основаніе, невѣренъ и выводъ. Хорошо обученную казачью батарею трудно сформировать не по тѣмъ причинамъ, которыя выставляетъ г. Вакульскій, а потому, что батареямъ этимъ, за безпрестаннымъ участіемъ въ дѣлахъ противъ непріятеля, не остается времени для ученій и для пріобрѣтенія теоретическихъ познаній. Отдыхи бываютъ самые кратковременные; но они нужны именно только для этой единственной цѣли, т. е. для того, чтобы казакъ, послѣ похода, обмылся, очистился и былъ готовъ опять въ дѣло. Затѣмъ некогда обучать его правильнымъ построеніямъ. Что же касается до быстроты движеній и мѣткой стрѣльбы, то эти качества казачья артиллерія пріобрѣла боевымъ опытомъ, и на Кавказѣ отрядные начальники всегда отдають ей въ этомъ отношеніи полную справедливость.

Обратимся теперь къ предлагаемому г. Вакульскимъ проекту измѣненій въ кавказскомъ линейномъ казачьемъ войскѣ и рассмотримъ отдѣльно каждый пунктъ этихъ предлагаемыхъ измѣненій.

«1) Прекратить комплектованіе бригады офицерами войсковаго сословія и имѣть только прикомандированныхъ изъ регулярной конной артиллеріи, впредь до того времени, пока изъ военно-учебныхъ заведеній не будутъ выпущены воспитывающіяся тамъ дѣти офицеровъ кавказскаго линейнаго казачьяго войска, которыхъ назначать тогда въ батареи, ибо они, по образованію своему, будутъ достойны служить въ артиллеріи».

Выше сказано, что въ артиллеріи рѣшительно нѣтъ офицеровъ съ такими тупыми способностями, какъ полагаетъ г. Вакульскій: часть изъ офицеровъ регулярной артиллеріи, часть изъ войсковыхъ учебныхъ заведеній, изъ гимназій и малая часть изъ полковъ. Эти послѣдніе такіе офицеры, которыхъ не всякій полковой офицеръ можетъ замѣнить, какъ сознается и самъ г. Вакульскій.

Желали бы мы, чтобы г. Вакульскій самъ сталъ на мѣсто войсковыхъ офицеровъ и выслушалъ бы тогда свой же собственный приговоръ, что лучшіе изъ нихъ недостойны служить въ артиллеріи.... говоримъ: лучшіе, потому, что каждому изъ насъ извѣстно, что въ артиллерію выбираютъ, дѣйствительно, лучшіе офицеры. Войско своею кровью и преданностію заслужило право на уваженіе добропорядочныхъ людей. Въ чемъ же приговоръ г. Вакульскаго насчетъ его офицеровъ находить себѣ причину и основаніе? Мы уже имѣли случай сказать, что казачьи офице-

ры, служащіе въ батареяхъ, изучили артиллерійское дѣло если не въ теоріи, то на практикѣ, и бесполезными для артиллерійской службы быть не могутъ, хотя и дѣйствительно не обладаютъ спеціальными познаніями по роду своего оружія. Въмѣстѣ съ тѣмъ, они не принадлежатъ и къ разряду тѣхъ людей, которые поверхностно смотрятъ на свои обязанности и не представляютъ своею личностію никакихъ ручательствъ своей добросовѣстности.

«2) Устроить батарейныя школы. Для этого нужно увеличить комплектъ батарей, разрѣшивъ имѣть людей на пятые взводы, потому что батареи эти находятся постоянно въ полномъ составѣ на боевой службѣ, слѣдовательно составить школьняковъ (?) не изъ чего.»

Прежде, чѣмъ мы будемъ разсматривать удобопримѣнимость батарейныхъ школъ въ кавказской казачьей артиллеріи, приведемъ еще слѣдующее замѣчаніе г. Вакульскаго, помѣщенное имъ въ выноскѣ:

«Дивизионная артиллерійская школа, при штабѣ № 14 батареи, обучаетъ преимущественно тѣхъ людей, которые никогда въ артиллеріи служить не будутъ (бываютъ рѣдкія исключенія). Желаю лучшаго, но не хочу выставлять черныя стороны какого либо управленія, поэтому избѣгаю подробностей.»

Какія же это черныя стороны, г. Вакульскій, и откуда берется ваше странное великодушіе, упоминая о нихъ, не разъяснить читателямъ, въ чемъ онѣ заключаются? Предосудительныя бездоказательныя обвиненія; но еще, по нашему мнѣнію, предосудительнѣе такіе намеки, которые, клеймя людей и установленія, не указываютъ, даже и бездоказательно, на причины, по которымъ ихъ клеймятъ. По поводу новаго упрека г. Вакульскаго замѣтимъ, что управленіе дивизионной школой находится въ вѣдѣніи не казаковъ, а офицеровъ регулярной артиллеріи.

Сдѣлавъ это необходимое отступленіе, обратимся къ предлагаемому устройству батарейныхъ школъ.

Мысль сама по себѣ хорошая, но едва ли возможная въ ея примѣненіи къ дѣлу. Боевыя потребности кавказской казачьей артиллеріи такъ велики, что если бы предлагаемый г. Вакульскимъ пятый взводъ и былъ сформированъ, то весьма вѣроятно, что надобность указала бы на употребленіе его для производства различныхъ работъ, сначала въ видѣ помощи товарищамъ, потомъ чаще и чаще, потому что труды кавказской службы об-

ширны и мудро устоять отъ соблазна хотя нѣсколько облегчить ихъ, при малѣйшей представляющейся къ тому возможности. Напримѣръ, вмѣсто того, чтобы посылать на сѣнокосъ утомленныхъ и только что возвратившихся со службы людей, естественно родится мысль употребить на это пятый взводъ. Такимъ образомъ, обученіе людей этого взвода грамотѣ незамѣтно перейдетъ съ перваго плана на послѣдній, и главнымъ назначеніемъ вновь сформированной части сдѣлается облегчать службу нынѣ существующихъ четырехъ взводовъ батарея. На практикѣ непремѣнно этимъ кончится, и такой оборотъ дѣла будетъ весьма естественъ. Къ тому же, надо подумать и о преподавателяхъ въ батарейныхъ школахъ, которыхъ найти будетъ тоже не совсѣмъ легко, потому что офицеры нужны для полевой и кордонной службы. Сверхъ этого, замѣтимъ, что съ недавняго времени уже существуетъ бригадная школа, выпустившая въ каждую батарею по нѣсколькимъ грамотныхъ урядниковъ; нѣкоторое число таковыхъ урядниковъ сдается всегда въ артиллерію изъ полка; кромѣ этого, въ батареи поступаютъ на службу молодые грамотные казаки-охотники и особенно дѣти офицеровъ, предпочитающія артиллерійскую службу службѣ въ полкахъ. При существующемъ числѣ грамотныхъ людей въ батареяхъ и при сильно развитомъ въ казакахъ стремленіи къ грамотности, дѣло можетъ обойтись безъ батарейныхъ школъ; по всей вѣроятности, грамотность разовьется между казаками, и даже очень скоро, безъ принудительнаго ученья, а посредствомъ легкаго и свободнаго занятія неграмотныхъ казаковъ съ ихъ грамотными товарищами въ часы отдыха отъ службы. Подобной методой обученія устраняется и нравственная и матеріальная трудность предлагаемаго г. Вакульскимъ дѣла.

«3) Предоставить прослужившимъ свой срокъ службы въ артиллеріи положительныя выгоды.

«Я полагаю, что казакъ, окончившій 20-лѣтній срокъ своей службы въ артиллеріи и произведенный хотя за день до этого срока въ званіе фейерверкера 1, 2 или 3 класса, долженъ выпускаться въ чистую отставку хорунжимъ, съ пожизненною пенсіею, смотря по классу, полнаго, двухъ третей или одной трети полагаемаго по чину его жалованья, съ предоставленіемъ ему права, если пожелаеть, продолжать службу въ чинѣ хорунжаго въ полку, но съ сохраненіемъ, независимо отъ всего, разъ заслуженной имъ въ артиллеріи пенсіи.»

Г. Вакульскій, избрѣтя замысловатую ненависть казака къ артиллерійской службѣ, въ потѣ лица своего бьется въ приисканіи средствъ пріохотить къ этой службѣ наше сословіе; вслѣдствіе этого онъ избрѣтаетъ для казаковъ—артиллеристовъ не менѣе замысловатыя служебныя преимущества. Замѣтимъ же г. Вакульскому, что производство въ офицеры и безъ того существуетъ за выслугу лѣтъ, по экзамену и за особыя отличія. Что касается до пенсій, то намъ кажется справедливымъ прежде всего въ этомъ отношеніи позаботиться не о тѣхъ, которые прослужили 20 лѣтъ въ нижнихъ чинахъ, а о тѣхъ, которые прослужили 30 и болѣе лѣтъ офицерами. И эти послѣдніе еще не имѣютъ пенсій, хотя правительство, какъ отчасти извѣстно, и изыскиваетъ средства къ производству имъ пенсіона въ отставку, наравнѣ съ офицерами регулярныхъ войскъ. Скажемъ кстати, что содержаніе казачьихъ офицеровъ не сравнено еще съ содержаніемъ въ другихъ войскахъ, и потому только, что на увеличеніе содержанія нѣтъ финансоваго источника. Донцы сказали, что у нихъ есть войсковыя суммы, и Государь разрѣшилъ имъ прибавку жалованья. Но войско линейное еще не имѣетъ средствъ обезпечить своихъ офицеровъ: гдѣ же ему думать о хвостѣ, когда и голову нечѣмъ прикрыть?

4) «Самое необходимое — подчинить кавказскую бригаду, во всѣхъ отношеніяхъ, начальнику артиллеріи арміи, ибо въ настоящее время его вліянію подлежитъ одна только строевая часть, самая маловажная для благоденствія батарей. Этою мѣрою достигнутся слѣдующія выгоды: а) казаки въ артиллерію будутъ назначаться строго по правиламъ войсковаго положенія, ибо надъ ними будетъ контроль; б) войско лишится возможности самовольно переводить обратно въ полкъ казака, прослужившаго уже нѣкоторое время въ артиллеріи, да въ этомъ и не представится надобности, когда правила вышеприведеннаго примѣчанія будутъ соблюдены. Всякому немного знакомому съ казачьимъ войскомъ пункты А и Б вполне объяснятъ важность предлагаемой мѣры; за всѣ прочія выгоды ручается здравая логика, заставляющая разсуждать такъ: артиллерійская часть должна управляться артиллерійскимъ начальствомъ, какъ медицинская медицинскимъ, и т. д.»

Въ сущности выходитъ, что, такимъ образомъ, войсковое правленіе будетъ въ отношеніи къ своей артиллеріи та же про-

віантская или комиссаріатская комиссія, не пмѣющая никакого вліянія на военныя части.

Нельзя не подивиться предложенію отнять власть у атамана войска надъ хозяйственною частію артиллеріи. Невольно приходитъ мысль, что г. Вакульскому хотѣлось, вѣроятно, поставить въ своемъ проэктѣ измѣненій лишній пунктъ и что, по долгомъ отыскиваніи блестящей мысли для заключенія своей статьи, онъ наконецъ попалъ на нее, сказавъ, что артиллерійская часть должна управляться артиллерійскимъ начальствомъ, какъ медицинская медицинскимъ, и т. д. Выше объясненъ порядокъ приговоровъ станчныхъ обществъ о переводѣ казаковъ изъ артиллеріи въ полки; остается еще сказать, что, при всякихъ административныхъ измѣненіяхъ, нужды казаковъ останутся все тѣми же нуждами, а выгода вмѣшательства артиллерійскаго начальства въ хозяйственную часть казачьихъ батарей ограничится тѣмъ, что начальникъ артиллеріи долженъ будетъ имѣть особое отдѣленіе для сношеній съ атаманомъ и бригадными командирами войска о льготныхъ артиллеристахъ и, кромѣ того, отдѣленіе для сношеній съ бригаднымъ и батарейными командирами по разнымъ отраслямъ хозяйственной части. Для казаковъ же изъ проэкта г. Вакульскаго проистекаетъ та выгода, что дѣла о перемѣщеніи ихъ будутъ замедлены канцелярскими формальностями, и дѣло, которое могло бы сдѣлаться въ одну недѣлю, протянется, по крайней мѣрѣ, четыре. Строевая часть и теперь состоитъ въ полномъ распоряженіи начальника артиллеріи, который, кромѣ того, осматривая батареи, не ограничивается однимъ наружнымъ осмотромъ ихъ, а, напротивъ, такъ же усердно, какъ самъ атаманъ, повѣряетъ всю принадлежность артиллеріи, и всякое замѣчаніе его принимается войскомъ къ исполненію съ большою ревностію, для того, чтобы держать батареи въ блестящемъ состояніи, какъ части видныя и составляющія украшеніе войска. Но г. Вакульскій, какъ кажется, не только предполагаетъ въ казакахъ ненависть къ артиллерійской службѣ, но даже недоброжелательство къ ней самаго войскового начальства.

Въ заключеніе г. Вакульскій предлагаетъ ввести измѣненія въ артельномъ обозѣ артиллеристовъ. Нельзя не согласиться, что необходимость улучшеннаго обоза давно уже чувствовалась не только въ артиллеріи, но и въ другихъ казачьихъ частяхъ, несущихъ полевую службу. Однако, и здѣсь взглядъ автора, предлагающаго устроить артельныя повозки, отличается непрак-

тичностью. Въ казачьихъ полкахъ, по распоряженію высшаго начальства, колесный обозъ замѣненъ вьючными лошадьми, на каждыя десять человѣкъ по одной, съ производствомъ фуража отъ казны. Это сдѣлано потому, что по пересѣченной и гористой мѣстности обозъ задерживалъ движеніе колонны и часто при этомъ приходилось бросать повозки. Теперь же вьючный обозъ тѣмъ болѣе необходимъ, что война съ прошлаго или съ зимы нынѣшняго года окончательно перенесена съ плоскости въ горы, на лѣвомъ крылѣ Кавказской линіи, гдѣ и самая артиллерія употребляется больше горно-вьючная, и только въ случаѣ крайности, по разработкѣ не совсѣмъ удобныхъ и опасныхъ дорогъ, полевая. Во время экспедиціи, въ горахъ бывало, что лошади откладывались и артиллерійскіе орудія и ящики втаскивались на высоты людьми, назначенными отъ войска, по распоряженію колоннаго начальника: гдѣ же тутъ заботиться еще объ артельныхъ повозкахъ, которыя г. Вакульскій предлагаетъ ввести въ артиллерію съ разными улучшеніями? Самое короткое и самое вѣрное средство для устройства батарейныхъ обозовъ—это озаботиться, чтобы артиллеристы могли наравнѣ съ казаками полевыхъ полковъ обзавестись вьючными лошадьми, по одной на десять человѣкъ, съ тѣмъ, чтобы продовольствіе этихъ лошадей было принято на себя казною. Если для устройства вьючнаго обоза потребуется на первый разъ небольшой капиталъ, то войско можетъ снабдить имъ заимообразно казаковъ-артиллеристовъ, разсрочивъ имъ уплату долга на нѣсколько лѣтъ, смотря по надобности. Относительно же колеснаго обоза полезно было бы одно только: вмѣнить батарейнымъ командирамъ въ обязанность имѣть на всю батарею двѣ казенныя повозки, которыя бы на ровной мѣстности подвозили тяжести казаковъ до крѣпостей, ближайшихъ къ подошвѣ горъ. Г. Вакульскій говоритъ объ исходатайствованіи фуража отъ казны на вьючныхъ лошадяхъ, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ допускаетъ сомнѣніе въ успѣхѣ такого ходатайства. Намъ кажется, что если рассчитывать на какую либо милость отъ правительства, то ея скорѣй всего можно ожидать здѣсь, потому что нѣтъ, повидимому, причины отказать батареямъ въ отпущкѣ казеннаго фуража на вьючныхъ артельныхъ лошадяхъ, въ то время, какъ таковой отпущкъ уже разрѣшенъ казачьимъ полкамъ.

Окончивъ нашъ разборъ статьи г. Н. Вакульскаго, обратимъ

ся къ рецензiи на эту статью въ 6 № «Военнаго Сборника» 1859 года.

Г. рецензентъ, полагаясь на точность сказаннаго г. Вакульскимъ, соглашается съ его мнѣнiемъ и съ своей стороны желаетъ тѣхъ же нововведенiй въ кавказской казачьей артиллерiи, какъ и г. Вакульскiй. Однакожь, несмотря на такое желанiе, въ словахъ его замѣтна полная осторожность. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «по словамъ г. Николая Вакульскаго», далѣе пишетъ: «какъ говорить г. Вакульскiй», всегда, такимъ образомъ, основываясь въ своихъ мнѣнiяхъ на мнѣнiя автора разбираемой имъ статьи. Отнюдь не желая дѣлать упрека г. рецензенту за похвалы обидныхъ для насъ отзывовъ г. Вакульскаго, мы, напротивъ, поблагодаримъ его за ту осмотрительность, которая замѣтна въ этихъ похвалахъ. Мы надѣемся, что и самъ г. рецензентъ и читатели «Военнаго Сборника», прочтя наши замѣтки, увидятъ, на чьей сторонѣ правда и знанiе казачьяго быта, о которомъ мы оба съ г. Вакульскимъ рѣшились говорить передъ читающей публикой,—онъ, должно быть, въ видѣ дополненiя къ своей статьѣ о конной артиллерiи, а мы—для опроверженiя рѣзкихъ (чтобы не сказать болѣе) отзывовъ, оскорбляющихъ сословіе, къ которому мы имѣемъ честь принадлежать.

Собственнаго Его Величества конвоя поручикъ

ИЛІЯ САФОНОВЪ.